

**ПРОБЛЕМА ПОСТИДЕОЛОГИИ
В РАМКАХ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Д. Г. Кукарников, Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2022 г.

Аннотация: предметом статьи является поиск теоретических оснований постидеологии в рамках философии Франкфуртской школы. Авторы уделяют особое внимание соотношению процессов, вызванных развитием медиа и снижением роли идеологии и идеологических институтов в обществе. Особо подчеркивается специфичность категориального аппарата представителей исследуемого направления, а также их вовлеченность в изучение развития науки и технологий и их влияния на формирование социальной среды. Отмечается, что в рамках Франкфуртской школы во многом было спрогнозировано становление общества рисков как среды, в которой наиболее ярко проявляет себя постидеология. Авторы подробно останавливаются на регулятивном аспекте идеологии и толерантности, к которой переходит часть функций от уходящей в тень идеологии.
Ключевые слова: идеология, постидеология, справедливость, Франкфуртская школа, толерантность.

Abstract: the subject of the article is the search for the theoretical foundations of post-ideology within the philosophy of the Frankfurt School. The authors pay special attention to the correlation of the processes caused by the development of media and the decline in the role of ideology and ideological institutions in society. The specificity of the categorical apparatus of the representatives of the studied doctrine is especially emphasized, as well as their involvement in the study of the development of science and technology and their influence on the formation of the social environment. The authors note that within the framework of the Frankfurt School, the formation of a risk society was largely predicted as an environment in which post-ideology manifests itself most clearly. The authors dwell in detail on the regulatory aspect of ideology and tolerance, to which part of the functions from ideology receding into the shadows passes.

Key words: ideology, post-ideology, justice, Frankfurt school, tolerance.

Проблема формирования постидеологии как концепта современной социально-философской мысли представляет собой серьезную и многоплановую методологическую проблему. С одной стороны, тема идеологии, особенно в разрезе классических идеологических течений, видится весьма глубоко и полноценно проработанной, особенно в рамках марксистской и неомарксистской философии. Можно сказать, что появились вполне классические, если не сказать больше – канонические прочтения и видения развития идеологии в конце XIX – начале XX в. С другой стороны, попытки определить постидеологию и ключевые векторы ее влияния на социальную реальность, а также на эпистемологическую

социальную (да и не только) проблематику зачастую натываются на ряд проблем. Это и недостаточная зрелость постидеологии как феномена общественной жизни, вследствие чего мы не можем видеть конечные результаты проявлений постидеологии в реальном мире. Это и весьма противоречивое, порой слишком оптимистичное или, напротив, слишком настороженное отношение к постидеологии со стороны исследователей. Часть из них видят в постидеологии лишь модный тренд и попытку создать нечто новое на пустом месте, как, например, М. Фриден, кто-то, как Ф. Фукуяма и С. Жижек, всеми силами приветствует ее приход, считая постидеологию освобождением сознания единичного человека от тотализирующих оков идеологии.

В данном контексте крайне важным представляется осуществление ретроспективного анализа постидеологии с целью осознания причин и целей ее появления, причем как в социальном, так и в эпистемологическом дискурсе. В этом ключе интригующе выглядят работы представителей Франкфуртской школы, в частности Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе. Их «левые» взгляды, с одной стороны, и весьма настороженное, если не критическое отношение к просвещению – с другой, его результатам и собственно к классическим идеологическим течениям, – делают их работы уникальным материалом для отслеживания и фиксирования процесса формирования постидеологического дискурса.

С историко-философской точки зрения Франкфуртская школа представляет собой особый, переломный момент в осмыслении идеологии. Разочарование в пролетариате как движущей силе революции в рамках данного направления приводит к тому, что как источник развития и перемен в обществе начинает рассматриваться интеллигенция, которая при помощи знаний, искусства и иных средств воздействия на общественное сознание будет продвигать мир к идеалам социальной справедливости. Таким образом, здесь мы видим как разочарование в уже существующих идеологиях, так и еще сохраняющуюся веру в возможность построения справедливого общества на основе левых идей. Следовательно, мы можем рассматривать этот этап философствования как переходный от торжества и власти идеологий, благодаря которой XX век зачастую называют «веком идеологий», к постидеологической реальности, с которой мы сталкиваемся сегодня.

Особый интерес в контексте современного мира при исследовании постидеологии представляет собой анализ актуального для Т. Адорно и М. Хоркхаймера медиадискурса. Дело в том, что постидеология как феномен общественной жизни сегодня неразрывно связана с технологиями, коммуникацией и разного рода рисками, возникающими при трансляции информации. Как отмечают указанные авторы в работе «Диалектика просвещения»: «Весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии. Хорошо известное ощущение кинозрителя, воспринимающего улицу, на которой стоит кинотеатр, как продолжение только что закончившегося зрелища именно потому, что последнее всегда ориентировано на точное воспроизведение обыденного восприя-

тия мира, становится путеводной нитью производственного процесса» [1, с. 132]. Впоследствии этот подход вырос в целую отдельную дисциплину в рамках философии. Для идеологии это имеет особое значение, ведь в настоящее время она тесно переплетена и взаимосвязана с медиадискурсом. Массмедиа являются ключевым каналом распространения идей в мире, что наглядно показывает нам пример «арабской весны». Развитие интернет-технологий, визуальный поворот современной культуры и искусства – всё это наслоилося на уже имеющееся в XX в. влияние культуриндустрии и приобрело грандиозные масштабы. По мнению К. А. Крайновой, «избыточное усиление механизмов социального контроля массовых политических коммуникаций в рамках демократической традиции отмечалось задолго до использования интернет-технологий. Возможности сетевых коммуникаций в еще большей степени стирают грань между реальным и виртуальным. Одновременно возросла роль опубликованной информации при принятии политических решений, в результате чего сфера политики стала более публичной и менее управляемой. В силу того, что формируются многочисленные специфические сетевые связи между относительно автономными элементами политики, возрастает уровень самоорганизации и одновременно ослабевают возможности государственной власти применять технологии, основанные на принуждении. Можно констатировать, что система коммуникаций политического управления развивается в сторону децентрализации и фрагментации» [2, с. 62]. Следовательно, тенденции, берущие свое начало в середине прошлого века, усиливаются и оказывают всё большее влияние на общественное сознание и поведение масс. Именно в работах Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса мы находим весьма подробный анализ того, как идеология из чисто политического, зачастую насильственного и карательного элемента власти трансформируется в более мягкий, манипулятивный проект, действующий через искусство, медиа, формирующий зависимость от элит у представителей искусства. Наблюдаемый сегодня кризис политического доверия, нарастающий политический абсентеизм, кризис демократических политических институтов (причем не только в странах третьего мира, но и вполне развитых демократических государствах) – всё это во многом является следствием как кризиса идеологий, так и передачи ее функций таким структурам, как медиа, общественные движения, а также переложения функционала на такие ценности, как толерантность и идентичность. Как писал Ю. Хабермас, изучая влияние технического прогресса на идеологию: «Поэтому новая политика государственного интервенционизма требует *деполитизации* основной массы населения. По мере исключения практических вопросов политическая общественность также лишается своей функциональности» [3]. Идеи Хабермаса могут служить нам предупреждением о приходе эры постидеологии, причем сам философ, видимо, считал бы постидеологию теоретическим (или псевдотеоретическим) конструктом, призванным еще больше вывести массы из политической игры. Фактически сегодня мы видим попытки заместить идеологию

не только наукой, но и потреблением, медийной активностью, иными постмодернистскими нарративами. При этом для всех них будет показательной характеристика, данная Хабермасом науке и технике как альтернативе классической идеологии. Говоря о такой замене, философ замечает, что «технократическое сознание является, с одной стороны, “менее идеологическим”, нежели все предшествовавшие идеологии, так как оно лишено ослепляющей силы, которая лишь имитирует соблюдение интересов. С другой стороны, доминирующая теперь скорее прозрачная идеология заднего плана, превращающая науку в фетиш, является более непреодолимой и всепроникающей, чем идеологии старого типа» [3]. И в этом вся суть структур, пытающихся заменить классические идеологии, подменить их собой. Это весьма печальная судьба институтов и ценностей, искренне задумывающихся, как стремление из лучших побуждений даровать человеку свободу, но приводящих лишь к большей растерянности, заброшенности, пессимизму. Сколько надежд возлагалось на толерантность, Интернет, уже упоминавшуюся деидеологизацию, однако уже сегодня мы находим огромное количество работ, отражающее разрушительное, деструктивное влияние указанных феноменов. Уже в нашем веке, оценивая постидеологию как весьма спорный концепт, Микаэль Фриден, современный американский философ, в своей работе «Confronting the chimera of a “post-ideological” age» [4] замечает, что постидеология выступает в качестве искусственного концепта, той самой химерой, сочетающей в себе черты и классических идеологий вместе с их характеристиками, и как новый технологический аппарат, позволяющий весьма активно воздействовать на социальную реальность и общественное сознание. Всё это, по мнению философа, выступает как прикрытие манипуляций, принятия якобы внеидеологических политических решений, которые создают эффект, будто бы сами граждане сформировали на них такой запрос. Можно по-разному оценивать такую точку зрения Фридена, спорить на тему того, сколь сильно идеологии сегодня способны оказывать влияние на сознание масс и их поведение, в том числе и политическое. Однако нужно признать, что за счет того, что постидеология – концепт, еще до конца не сложившийся, в полной мере не освоенный философской или политологической мыслью и, как мы говорили ранее, себя еще целиком не проявивший, он становится отличным инструментом для спекуляций, прикрытия тех или иных проблем и событий.

Особый интерес представляют собой при разработке концепции постидеологии труды уже упоминавшегося сегодня Т. Адорно. Он не только подвергает критике идеологию как некое тотализирующее основание в рамках социальных отношений, но и показывает, что и с кризисом идеологии элемент манипуляции и давления в общественных отношениях не будет полностью разрушен, а перейдет к другим социальным структурам. Говоря о критике идеологии в рамках философии, в работе «Негативная диалектика» исследователь акцентирует внимание на том, что именно в критике идеологии как весьма жестко детерминирующей со-

знание структуры проявляется некая освободительная, раскрепощающая природа философии как социального явления. В частности, Адорно пишет, что «критика идеологии не есть в философии нечто вторичное, чисто научное, ограниченное объективным духом и продуктами духа субъективного; это с точки зрения философии центральный пункт; критика идеологии есть критика самого конститутивного сознания» [5]. Параллельно с критикой идеологии Адорно подчеркивал своими работами мысль, что, избавляясь от гнета идеологического, нужно быть готовым к узурпации сознания иными социальными конструктами. В этом разрезе показательным философское эссе «Репрессивная толерантность», написанное этим автором в период студенческих волнений в Европе и получившее мировое признание, особенно в рядах сторонников социалистических идей. В данном труде философ указывает, что, несмотря на снижение веры в идеологии, массы по-прежнему подвержены манипулятивному и (или) репрессивному воздействию. Разница лишь в том, при помощи чего элиты оказывают давление на интересующие их социальные группы и слои. Таким образом, мы можем акцентировать свое внимание на том, что причина давления той или иной формы власти на рядовых граждан – не какой-то конкретный социальный институт, выступающий в форме инструмента давления, а сама структура социальных отношений, задающая определенный вектор или парадигму социального взаимодействия. Принуждение же при помощи толерантности Г. Маркузе описывает следующим образом: «Такого рода толерантность лишь усиливает тиранию большинства, против которой был направлен протест подлинных либералов. Политический смысл толерантности изменился: поскольку она почти незаметно стала принципом власти, а не оппозиции, она превратилась в форму обязательного поведения по отношению к официальной политике. Толерантность превратилась из активного состояния в пассивное, из практики в бездеятельность» [6]. Деформированная в таком ключе толерантность, принявшая на себя в том числе функции идеологии, сама становится тем, против чего она призвана бороться. В этом смысле мы видим определенную схожесть в течение кризисов идеологии и толерантности. Как нам представляется, и идеология, и толерантность в определенный момент своего бытия были значительно «перегружены» функционалом, что, в конечном счете, привело их к отчуждению от своей сущности. И, как всякое отчужденное начало, они обратились против своих же создателей: политиков, общественных деятелей, а в конечном, и наиболее общем, счете – против самого человека. В этом отношении справедливым выглядит призыв современного исследователя идеологий К. Пессоа. В своей работе он призывает быть аккуратным в оценках идеологии и ее роли в общественных отношениях, не превознося, но и не преуменьшая ее. Данную идею он формулирует следующим образом: «Идеология, таким образом, либо принижается в своем значении, либо демонизируется как способ, которым заинтересованные группы действуют для создания препятствия на пути решения «конкретных проблем» [7, с. 487]. И этот призыв не лишен логики, осо-

бенно в рамках современного мира, в котором через медиа можно транслировать любую необходимую идею. Не случайно в современной социально-философской мысли так популярны идеи и концепции «постправды», «цифрового поворота» и другие, подобные им [8]. При этом особую трудность составляет состояние современного социально-философского дискурса. К сожалению, зачастую имеет место необоснованный перенос терминов из естественно-научного дискурса в социально-гуманитарный без учета специфики последнего. Это еще в большей мере усиливает негативные тенденции, затрудняя философское познание сути изучаемого объекта или предмета. В силу таких действий, текст становится избыточно «затуманенным», перегруженным, порой совершенно неоправданно, не свойственными социальному познанию, терминами. Ряд исследователей в качестве примеров таких терминов приводят понятия «синергетика», «деформация», «забота» и др. В результате исследования оказываются не информативными, а их выводы – легковесными и не подкрепленными ни теоретической, ни эмпирической базой в должной мере и объеме. Это, в свою очередь, еще больше увеличивает влияние эпистемологического аспекта постидеологии, особенно в контексте развития цифровых технологий и возможности мультипликации социальных мифов в общественном сознании. Такие мифы способны полностью или частично вытеснить из общественного сознания истинное знание, заместив его преднамеренно сконструированной или случайно созданной картиной мира или пониманием того или иного объекта. Важно понимать, что на место классических идеологий, к которым мы уже «привыкли» и выработали определенный аппарат работы с ними, о которых и ведут речь представители Франкфуртской школы, практически неизбежно придут другие конструкты, к которым наш разум может быть вовсе не готов, и не будет распознавать их как собственно идеологию. Уже сегодня в контексте упомянутой выше толерантности активно ведутся дискуссии на тему: «не стала или толерантность новой идеологией?». И здесь, большей частью имеется в виду не столько теоретическое устройство, сколько влияние на общественную жизнь. При этом в рамках постидеологического мира это влияние может быть одновременно и более скрытым, но вместе с тем и более жестким. Причем эта жесткость, категоричность зачастую проистекает не от репрессивных органов государства, а от подпитываемых медиа-каналами и их популярными авторами граждан. Порой начинается настоящая публичная травля, инсценированная в рамках медиа-дискурса, причем по поводам, которые еще лет 20–30 назад вовсе бы не были хоть сколько-нибудь значимыми. Нужно понимать, что из сети такая ненависть перетекает в реальную жизнь (хотя сегодня уже крайне сложно найти четкую грань между виртуальным и реальным социальным пространством). Как итог, в силу указанных факторов общество достаточно быстро перешло в состояние «общества риска», где всякое действие или бездействие, в любом роде деятельность, угрожает мультипликацией рисков. Во многом именно о таких последствиях нас предупреждали своими трудами философы

Франкфуртской школы, анализируя взаимосвязь идеологического аппарата и медиа-дискурса. Простой уход или удаление идеологии из общественного сознания невозможны, это своего рода утопия, химера, что идеология может просто раствориться, не оставив после себя никаких следов. Это важный социальный инструмент, во многом определявший жизнедеятельность индустриального общества, и всё еще, пусть и иначе, в меньшей степени, оказывающей влияние на современную политическую повестку. Значимой является характеристика, которую дал И. Валлерстайн, отмечая специфику идеологии и ее роли в разных мир-системах: как в нашей, так и в предшествующих ей: «Идеология – это не просто набор идей или теорий. Она больше, чем моральный выбор или мировоззрение. Идеология – это гармоничная стратегия поведения на социальной арене, на основе которой можно сделать определенные заключения политического плана. В этом смысле предыдущим миросистемам идеологии были не нужны, да и наша миросистема обходилась без них до той поры, пока политические перемены не признали нормальным явлением, а ответственными за эти перемены не стали граждане и эти две идеи не стали основными структурными принципами политических учреждений» [9, с. 148]. В данном определении состоит важная для нас черта идеологии как определенного социального института или элемента социальной реальности: она (идеология) не является чем-то из ряда вон выходящим, она есть нечто функциональное, некий инструмент в рамках социальной реальности. Следовательно, отсюда мы можем вывести ее временность, темпоральность существования, а также склонность к трансформациям в рамках изменяющихся социальных условий.

По итогам статьи можно сделать следующие выводы. Проблема постидеологии и ее генезиса в социально-философском дискурсе имеет, пусть не очень долгую, но весьма насыщенную историю. Франкфуртская школа в этом аспекте представляет собой сонм исследователей, чьи труды указывали нам на скорый кризис идеологии и ее трансформацию, а возможно, и деформацию. Несмотря на то что сами упомянутые в статье авторы не использовали термина «постидеология», их концепции могут быть рассмотрены в качестве определенной переломной, реперной точки, после которой всё громче звучат призывы отказа от идеологии и ее критика. Мало того, именно представители Франкфуртской школы акцентировали внимание на роли искусства и медиа в демонтаже классических идеологий. Именно эти структуры, как нам видно уже из сегодняшнего дня, стали для классических идеологий одним из тех вызовов, заставивших их существенным образом менять как риторику, так и средства презентации себя миру. В этом смысле крайне удачным выглядит вывод Б. В. Маркова, который писал об анализе идеологии в рамках политической философии Франкфуртской школы следующим образом: «Заслуга представителей Франкфуртской школы видится в реконструкции разнообразных форм управления массами в постиндустриальном обществе. Разработка этого проекта, нацеленного на аналитику повседневности, продолжается в исторической антропологии. Наряду с истори-

ей идей изучается влияние образов, музыки, дизайна – искусственной среды, в которой мы живем, работаем и развлекаемся, – на образ жизни людей. Поскольку ранее считавшаяся приватной сфера развлечений и досуга сегодня коммерциализирована, постольку необходима критическая рефлексия, раскрывающая ее как новую сеть власти» [10, с. 83]. Будучи «ребенком» общества индустриального, идеология при переходе к постиндустриальному обществу оказывается несколько не готовой к новым реалиям. В них контекст и повестка меняются всё быстрее, происходит определенная эрозия ценностей, что особенно заметно в контексте кризиса символического. Оказывает свое влияние на идеологию всё большее влияние цифровых технологий в экономике [11], которая также требует для мотивации сотрудников новых инструментов и моделей взаимодействия с ними.

В целом, можно заметить, что проведенный ретроспективный анализ показал, что постидеология, как в эпистемологии, так и в реальной жизни, возникла далеко не случайно. Ее приход и последующее осмысление были подготовлены трудами предшествующих философов.

Литература

1. Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты // Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М. : Ювента, 1997. – 312 с.
2. Крайнова К. А. Интернет как средство политической манипуляции в современном политическом управлении / К. А. Крайнова // PolitBook. – 2013. – № 2. – С. 60–67.
3. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6261/6263> (дата обращения: 22.11.2021).
4. Freeden Michael. Confronting the chimera of a «post-ideological» age / Michael Freeden // Centre for Political Ideologies Department of Politics and International Relations. – Oxford : University of Oxford, 2004. – 36 p.
5. Адорно Т. Негативная диалектика / Т. Адорно. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5512/5516> (дата обращения: 25.12.2021).
6. Маркузе Г. Репрессивная толерантность / Г. Маркузе // Автономное действие. – URL: <https://avtonom.org/news/gerbert-markuze-repressivnaya-tolerantnost> (дата обращения: 27.12.2021).
7. Carlos Pessoa on hegemony, post-ideology and subalternity // Bulletin of Latin American Research. – Published By: Wiley, 2003. – Vol. 22, № 4 (Oct.). – P. 484–490.
8. Алиханова В. Л. Проблема взаимодействия ценностей и искусства в эпоху «цифрового поворота» / В. Л. Алиханова. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylosophy/2019/04/2019-04-06.pdf> (дата обращения: 27.12.2021).
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ : введение / И. Валлерстайн. – М. : Территория будущего, 2004. – 248 с.
10. Марков Б. В. Незавершенная революция : политическая философия Франкфуртской школы / Б. В. Марков // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия : Философия и конфликтология. – 2018. – № 34 (1). – С. 79–90. – URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.108>

11. *Смышляев В. А.* Институциональная среда российской цифровой экономики : особенности становления и развития / В. А. Смышляев, И. И. Яresco // Современная экономика : проблемы и решения. – 2020. – № 11 (131). – С. 20–33.

Воронежский государственный университет

Кукарников Д. Г., кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории философии и культуры

E-mail: kukarnikoff@yandex.ru

Гаршин Н. А., преподаватель кафедры истории философии и культуры

E-mail: garshnick@mail.ru

Voronezh State University

Kukarnikov D. G., PHD., Head of the History of Philosophy and Culture Department

E-mail: kukarnikoff@yandex.ru

Garshin N. A., Lecturer of the History of Philosophy and Culture Department

E-mail: garshnick@mail.ru